

ГЛАВА 8.

Большая часть внутренних районов Таиланда живет в бедности и нищете. Исан, северо-восточная область, которая занимает приблизительно одну треть от общей массы земель страны, едва ли в состоянии поддержать уровень жизни на уровне прожиточного минимума (по данным изданий Keyes, 1967 года; Boontawee, 1988 года). Это плоское плато, с бедной известковой почвой и недостаточным орошением, местами покрыто естественной растительностью – кустарниками, травами и сорняками. Исан имеет самый низкий доход на душу населения в Таиланде — 8 321 батов в 1986 году (333 американских доллара) (по данным издания Inbaraj от 1988 года). Средняя крестьянская семья едва выживает за счет примитивных методов, которые включают охоту и собирательство в лесах. Изредка им перепадает случайная работа с нерегулярной заработной платой.

Утром я вернулась в город и позвонила Алексу.

– Я вернулась, но Хой осталась там, – сообщила я ему.

– Она не вернулась вместе с тобой? – воскликнул он громко.

Мне показалось, что я услышала боль в его голосе. Он был более привязан к Хой, чем показывал мне.

– Почему? Она сказала почему?

– Не волнуйся. Она вернется, – сказала я ему. – Она обещала быть здесь через два дня. Скорее всего так и будет, подумала я, предположив, что именно через столько дней у нее закончатся деньги Алекса. Я не стала говорить ему, что она осталась из-за соседа, чтобы пофлиртовать с ним.

– Что ты думаешь о том, чтобы ей работать там гидом? – спросил он.

– Ну... Я не думаю, что это место понравилось бы туристам. Все те странные люди, бродящие вокруг... Никакого водопровода... – Но я замечательно провела время, и мне понравилось там с Хой, – добавила я, услышав, как Алекс тяжело вздохнул. – Она великолепна.

– Ты правда так считаешь? – довольно спросил он в трубку.

После звонка я зашла на почту и нашла письмо от Дадли Дэполито, из Гонконга.

«Здорово Глео! – начиналось письмо. – У меня был ужасный опыт с массажными салонами Гонконга. Больше я туда ни ногой. Я чувствовал себя как кусок мяса на этом конвейере. Они не дали мне возможности воспринимать их как людей. Это ушлый бизнес. Уж не знаю, кто чувствовал бы себя хуже, чем я. Однако по ряду причин в Таиланде со мной такого не происходило. Как ты думаешь, может, я перегибаю палку там, где это делать не надо?»

Вопрос Дадли заставил меня задуматься. Он сказал, что не знает, кто больше деградировал, он сам или проститутки. Так, если в Таиланде он чувствовал себя лучше, значит ли это, что дело вовсе не в нем?

Или он имел в виду, что в Гонконге люди деградировали еще больше, чем здесь? Неужели там люди пали ниже, чем та тайландская девка, которая взяла ребенка, чтобы получить с него больше денег, или хуже, чем Соу, сказавшая, что не заражала его герпесом, или же там кидают людей похуже, чем тут? – думала я, вспомнив катоя, который сначала отсосал ему в переулке, а потом ограбил. Где была та черта, которую он сам переступил для себя?

Проводила ли я для себя такую же черту? Разве я не думаю, что проституция, по сути, это унижение? Но менее ли унижительна та бедность и незащищенность, как у младших жен? Были ли мои понятия этого более значимыми, чем его?

Письмо заканчивалось словами: «Я надеюсь, что ты не расстроилась. Я взял на себя смелость использовать тебя как мой адрес для пересылки. Спасибо за помощь. Я вернусь в конце октября. Искренне твой, Дадли Дэполито!»

Лязг ведер за дверью дал понять, что пришло время для утреннего перерыва после работы на компьютере. Две тайские горничные, что убрали квартиры, были слишком дружелюбны и общительны, но сейчас мне совсем не хотелось терпеть их болтовню. Поскольку тайцы не могли поверить в то, что кто-то сознательно может принять решение жить один, они во время уборки, не переставая, задавали мне вопросы, а все их беседы сводились к тому, как одиноко мне в их воображении. Они спрашивали, почему я не попросила свою мать прилететь ко мне и остаться, чтобы заботиться обо мне. Чтобы избежать их наигранного участия, я предпочитала в это время спускаться вниз в фойе и читать газету. Как и

в большинстве современных зданий в Бангкоке, здесь жило много иностранцев. Здесь были бизнесмен из Бирмы, дипломатическая пара из Бангладеш, и много мужчин-фарангов. В Таиланде большая часть местного населения жила в бедности, поэтому дома больших семей были переполнены. Только небольшое количество семей обладало большими состояниями. Эти тайцы ездили за границу в разные страны, в свои поместья, и жили в апартаментах Бангкока. Их стиль жизни устанавливал стандарты для привилегированного фаранга. Учитывая дешевизну проживания, некоторые фаранги работали на дому, и почти у всех был бассейн. Кредит на образование, выданный мне, в Нью-Йорке не поддержал бы меня и четырех месяцев, но в Таиланде он обеспечивал мне роскошную жизнь, включая периодические выезды из страны, чтобы продлить визу. Хотя у меня и не было лишних денег, я жила хорошо.

На первом этаже один или два иностранца всегда сидели возле бассейна, читая газеты, которые персонал специально оставлял там. Субботним утром там собралось больше жителей, чем обычно, они обсуждали последнюю статью Тринка в передовой колонке.

Бернард Тринк, американец, писал колонки о ночной жизни Бангкока с 1966 года. Его субботняя статья заняла почти всю страницу, четверть которой была посвящена Патпонгу. Статья Тринка отражала взгляды высокомерного, элитарного сексиста, который часто скатывался в расизм, принижая местных и возвышая резидентов-фарангов. Он поддерживал мнение, что Таиланд является «сексуальной утопией» для мужчин-иностранцев. Рассуждения Тринка были ориентированы исключительно англоговорящим мужчинам. Он советовал, куда обратиться за лучшим сервисом, где лучше девушки, еда и питье. С презрением он писал о тайцах Патпонга, которых он ненавидел, подобно большинству других мужчин-фарангов. Хотя Тринк описывал девушек из бара как жертв обстоятельств, выступая на их стороне, он также советовал туристам получать все, что они хотят, предлагая воспользоваться его советами как «бывалого». Он хвалил тех женщин, которые ему больше всего нравились, и отмечал, где их найти. Хотя у Тринка большинство ехидных комментариев были обращены мужчинам-фарангам, они, тем не менее, казалось, восхищались чтением его колонки. Это давало возможность дать друг другу совет о том, куда пойти и что не упустить. Им, возможно, и не нравился напыщенный тон Тринка, но его видение индустрии развлечений Таиланда щекотало их эго.

Тем утром, спустившись к бассейну, я подслушала разговор своего австралийского соседа. – Послушайте-ка..., – говорил пьяница-американец, чьи ссадины на лице свидетельствовали о недавнем столкновении с паркетом. – Тринк пишет о стариках и молодых тайских женщинах в Паттайе. Я цитирую: «Этот обмен — его деньги на ее юность, — не очень-то справедлив». Оба мужчины засмеялись, хотя американец был геем и у него жили два тайских мальчика. В Таиланде мужчины уважали свободу других мужчин воплощать сексуальные мечты как вздумается.

– Черт возьми, есть такой минус, – воскликнул австралиец. – Но для сладкой красотишки оно того стоит, тем более никто не возражает.

Внештатный журналист, который жил в Таиланде восемнадцать лет, родом из Австралии, многое знал о пожилых людях и молодых тайских девушках. Его вторая тайская жена развелась с ним в прошлом году. Я могла ее понять, так как сталкивалась ежедневно с его бесцеремонным поведением. Он тоже любил выпить, но в отличие от американца, который был молодым и болтливым, австралиец был скупой и сварливый. Разглядев меня, он иронично произнес:

– Здесь, детка, есть также новости и для тебя. Тринк говорит, что в Limelight баре теперь подают выпечку. Слышала об этом? Девочки, которые разносят их, получают бонусы. А в баре SuperStar будут показывать новое кино. – Он усмехнулся. – Тебе бы, детка, не помешало изучить колонку Тринка. Этот чертов придурок – то, что тебе нужно. Почему бы тебе просто не сходить к нему, тем более он здесь за углом.

Присаживаясь почитать газетку, я салютовала американцу в воздухе воображаемым стаканом с виски, как это делают в мультиках. Иногда американец удивлял меня остроумными комментариями. Иностранцы, живущие тут, частенько выглядели неудачниками и изгоями, но строили из себя королей жизни. Никто не знал, на что американец жил, он мало чего делал, но регулярно пил и приводил тайских мальчиков к себе в квартиру. Он жил таким вот образом уже двадцать лет. Что же до австралийца, то в тех редких случаях, когда выходила его статья, там проглядывал отблеск таланта. Но пока он лучше всего преуспел в смене работы с одного места на другое. Таиланд изобиловал огромным количеством печатных издательств, которые выпускали журналы для туристов и бизнес-путешествий, поставляя их в отели и по всей Азии. К настоящему времени, мой сосед, видимо, нажил врагов среди них всех.

Я поразмыслила над его предложением о Тринке, но пока не была готова занимать себя еще одним исследованием. С одной стороны, я не хотела рисковать, чтобы правительство узнало обо мне, и встреча с Тринком могла бы иметь огромные последствия. А вот изучение последних статей Тринка показалось мне хорошей идеей. Возможно, я смогла бы получить справочную информацию об улицах Патпонга. Имея редакцию Bangkok Post прямо за углом, я могла бы просиживать там по часу в день.

– Есть ли у Bangkok Post своя библиотека? – спросила я австралийца.

– Разумеется. Если ты туда и правда отправишься, я скажу тебе, кого там спросить, только не говори про меня, детка, я уверен, что они наверняка вышвырнут тебя вон.

Я не сомневалась, что они так и сделают, потому что неоднократно видела, какой он бывает злой. Наша телефонистка нервно кривила рот всякий раз, когда он проходил мимо. Американца она тоже не любила, потому что он часто вваливался к ней в кабинку, когда не находил никого более подходящего, чтобы «сесть на уши» и потрепаться. Тайцы, которые работали в здании, думали, что мы, фаранги, очень странный народ.

Днем я отправилась в офис газеты Bangkok Post. Заполняя форму для пропуска, я, последовав совету австралийца, сказала, что провожу исследование в сфере развлечения. Мне прицепили пластиковую карточку с надписью «Посетитель», и я провела два часа, читая статьи Тринка аж с 1972 года. Я выбрала именно тот год, когда была война во Вьетнаме, чтобы получше рассмотреть этот период.

Так я узнала о росте секс-индустрии и о том, как тайское правительство попыталось его остановить. В 1972-м, когда стало очевидно, что сексуальный рынок для иностранцев расцветает пышным цветом, правительство создало законы, управляющие этими процессами. Но эта суэта коснулась только некоторых заведений Патпонга.

В январе 1972-го Тринк отметил, что бары Патпонга не закрываются допоздна, и что они продолжают проводить свои непристойные шоу, одновременно работая публичными домами. Этот бизнес быстро развивался, и владельцев заволновали те законопроекты, которые правительство планировало внедрить. Неделию спустя Тринк предупредил своих читателей, что будет взиматься штраф в размере 5000 батов за нарушение комендантского часа, который скоро введут. На следующей неделе он отметил бары,

которые пытались выяснить, что разрешено делать в течение комендантского часа — играть в дартс, смотреть фильмы, играть в скрабл, танцевать? В феврале 1972-го Тринк пишет: «Забавный город умер. Мрачная выходит перспектива, когда декреты вступают в силу. Люди из сферы развлечений увольняются сотнями, сотрудников уменьшилось вдвое. Люди подумывают о переезде в другую страну. Патпонг пострадал очень значительно. Владельцы баров и клубов пытаются их продать. Покупателей на них еще можно найти», – скорбел Тринк. Главным образом, это были американцы из Вьетнама, владевшие барами в Сайгоне. В марте 1972-го под заголовком было написано: «Полиция упускает свою прибыль». Тринк писал, что полиция больше не могла собрать даже 2000 батов в месяц, тот минимум, что они раньше брали с владельцев баров. В апреле еще три бара обанкротились и закрылись в течение десяти дней. Но к июню, как сообщал Тринк, тенденция к закрытию баров остановилась. К июлю на каждый закрытый бар стали появляться два новых.

В конце 1972-го года Тринк отметил, что бизнес вернулся в норму, бары работали всю ночь и давали свои неприличные представления. В полицию снова потекли ручейки взяток. Теперь все были счастливы – в барах царил мир, у полиции были деньги, а некоторые государственные чиновники стали еще богаче, чем в прошлом году.

Тринк часто критиковал тайскую государственную систему, указывая, как сильно коррумпированы ее чиновники. Колонка Тринка помогала формировать менталитет иностранных мужчин в Таиланде. В стране третьего мира, в отличие от их родины, они жили как небожители, на уровне тайских аристократов, без необходимости соблюдать тайские нравы.

Я была вполне удовлетворена работой в газетной библиотеке и планировала снова вернуться сюда, чтобы проникнуть в самую суть прошлого на Патпонге.

Этим же вечером я зашла поведать Джека.

– Ты когда-нибудь видел, как Тринк приходил сюда? – спросила его я.

– Тринк? Кто это?

– Ты никогда не слышал о Тринке? Он пишет статьи о Патпонге для Bangkok Post.

– Я не знаю о нем. Мы идем сегодня пить кофе? – ответил он, сделав удивленное лицо.

Мы снова пошли в Dunkin' Donuts и сели за тот же столик.

– Я принесла фотографии, чтобы показать тебе, как съездила на Убон. Это вот Хой.

– Эхх! Люди Исан ничего хорошего не говорят о ней, – сказал он, указав среди друзей и соседей на ее сестру На. – Сестра Хой настоящая ведьма.

– Нет, нет, не ведьма. Просто ужасная женщина.

Тайцы верили в ведьм и призраков, и я научилась быть осторожной, произнося эти слова. Однажды я как-то в шутку сказала про хлопнувшую дверь, что это привидения шалят. Видя страх, который вызвала эта история, я стала избегать таких шуток.

– Ух ты! Сексуальная, – воскликнул он, рассматривая меня и Хой, когда мы купались в па тунгах.

Я и подумать не могла, что серая скучная ткань кому-то может показаться сексуальной, но, очевидно, у него было какое-то свое тайское представление об этом. Мне понравилось его одобрение.

– Вот Хой покупает лягушек на рынке, – продолжила я.

– Лягушки! – Джек скривил такую физиономию, будто его заставили съесть целый лимон.

– Люди Исан едят что угодно.

Я смеялась над его экспрессией.

– Лягушка тоже может быть восхитительной. Это деликатес во Франции.

– Французы едят лягушку тоже? Нет, ты смеешься надо мной. Ох, я забыл тебе сказать, – внезапно переключился он. – Я встретил твоего друга.

– Какого?

– Его зовут Чарли. Он хорошо говорит по-английски. Я видел его на улице. Я думал он турист из Сингапура. Мы говорили с ним, и он сказал, что знает тебя.

– Чу Чу Чарли! Он швейцар в Firesat.

Мне не понравилось эта новость. Я не хотела, чтобы люди знали, что я разговаривала со многими из них и задавала вопросы. Я боялась спросить, что рассказал Чарли обо мне Джеку.

– Ты был в Исан? – спросила я его, стараясь сменить тему.

Его непередаваемо кислая физиономия снова вернулась.

– Не хотел бы туда ехать.

На сей раз, когда мы расставались, он произнес:

– Почему ты никогда не целуешь меня на прощание? – он наклонился и подставил щеку. Я поцеловала его.

– Охх!

Той ночью, лежа у себя в кровати дома, я думала – нет, поездка в Убон не выветрила Джека из моей головы. Все было хорошо, пока я не показывала свои чувства, он в это время был активен, а я просто наслаждалась этим. Сейчас же эти чувства поддерживали мою жизнь. Я просто должна быть осторожной и не позволить зайти этому далеко.

В конце сентября Алекс ежедневно названивал мне в полном отчаянии, потому что Хой все еще не вернулась.

– Не волнуйся. Я уверена, что она вернется с минуты на минуту.

Я была уверена, что она покинет Убон, как только останется без денег.

Моя исследовательская работа расширила свои границы до полного рабочего дня. Ночью я продолжала посещать новые бары, знакомиться с новыми людьми, и навещать старые. Утром я печатала свои заметки и учила тайский язык. Днем я листала статьи Тринка, затем я иногда прохаживалась по Патпонгу, чтобы составить план.

На Патпонге-1 и Патпонге-2 я насчитала сорок шесть гоу-гоу баров, двадцать три лаунж-бара, девять пивных баров (на открытом воздухе), два ковбойских бара, две дискотеки, три массажных салона, три (бритье и секс) парикмахерские, три ночные закулочные, три кожно-венерологические клиники, одиннадцать ресторанов, девять заведений быстрого питания, шесть аптек и два места, которые Тринк назвал «рынками мяса» (места для девушек, которые еще не нашли клиента в течение ночи). Я включила аптеки в мой список учреждений Патпонга, потому что они легко распространяли амфетамины, барбитураты, усилители потенции и желания и т.д. Таиланд вообще был либерален в поставке наркотиков без рецепта, но именно на Патпонге купить можно было все что угодно.

На Патпонге-3 было двенадцать лаунж-баров, один танцевальный бар, восемь ресторанов и двухэтажная дискотека. Я составляла план днем, когда зазывалы, торговцы или толпы суетливых людей не беспокоили меня. В течение дня мне потребовалось две минуты и сорок три секунды, чтобы пройти от одного конца улицы Патпонг-1 до другого. Ночью, на это же самое расстояние требовалось не менее пятнадцати минут, из-за препятствий и кучи народа, собиравшегося там. Я рисовала карту Патпонга. Разметка дверных проемов и линий контуров зданий была нелегкой задачей, учитывая, что я никогда не изучала картографию. Мне приходилось возвращаться на улицы несколько раз, чтобы измерить расстояния.

Однажды днем на Патпонге-3 я познакомилась с Чаем. Он стоял облокотившись на позолоченные перила перед большим зданием под названием Rome Club. Его пушистые короткие волосы, зачесанные назад, и широкое лицо придавали ему добродушный вид.

– Вы не знаете, где заканчивается этот бар? – спросила я его, всматриваясь в черный проем двери.

– Наверху, – ответил он.

– Нет. Это здание, – сказала я, постучав пальцем по витрине. – Я пытаюсь выяснить, где кончается бар и где начинается ресторан. Все закрыто, и я не могу войти и проверить.

– Бар наверху, а здесь только дверь.

– Оуу.

Я посмотрела направо и налево, чтобы понять, как здесь все устроено, затем подошла к перилам, чтобы подержаться за них, стерла линии пыли и оставила свои.

– Вы работаете где-то здесь? – спросила я.

– В Apollo Inn, – ответил он, указав через плечо направление.

Так как я еще не посещала Патпонг-3, эти новости пробудили мой интерес.

– Вы – гей? – спросила я.

Тайцы пользовались английским словом «гей» для гомосексуалистов и словом «пробитая» для лесбиянок. Тайское слово «катой» обозначало гомосексуалиста в своем широком смысле, то есть женоподобного гомосексуалиста или транссексуала.

– Да.

– Кем вы там работаете?

– Я танцую гоу-гоу.

Я посмотрела на четырехэтажное здание. Аполлон был богом мужественной красоты — хорошее название мужского бара.

– Это все – Apollo Inn? – спросила я.

– Да. На первом этаже – ресторан. Я работаю там, подаю еду на обед. На втором этаже – бар. Я работаю там тоже, танцую в ночное время. На третьем этаже есть комната для массажа, и комната где занимаются любовью. На четвертом этаже есть шкафчики для одежды.

– Вы там живете?

– Да. Сплю в баре. А вы можете мне помочь написать письмо, пожалуйста?

– Конечно, давай! – ответила я.

– Просто посмотри, проверь все ли правильно.

Он вынул письмо из своего кармана и вручил его мне.

Адресовано оно было человеку из Нью-Йорка, четыре страницы на английском языке.

– Он твой друг? – спросила я.

– Гость. Я делал ему массаж. Он отдыхал в Таиланде полгода назад и сказал, что вернется, чтобы навестить меня. И я вот получил письмо, в котором он сказал, что не может приехать.

Я уселась на перила рядом с Чаем и начала проверять.

В письме говорилось, что Чай сидит под деревом в парке Люмпини, и очень печален оттого, что человек не приезжает. «Я люблю тебя, скучаю по тебе, я помню время, когда ты лежал рядом со мной в Apollo Inn. Я хочу поцеловать тебя, обнять тебя... Твоя фотография висит на стене у моей кровати. Все мои друзья говорят, что ты симпатичный. Я пою песню: «Приезжай в Таиланд, потому что это заставляет меня думать о тебе».

В следующей строке письма он попросил его о деньгах.

Я исправила грамматические и орфографические ошибки, а затем, сделав подозрительное лицо, спросила его:

– Ты действительно скучаешь по нему?

Он засмеялся.

– Нет, на самом деле он не такой уж симпатичный. Ему сорок два.

– Он посылал тебе деньги раньше?

– Нет. Я впервые прошу об этом.

Несколько ночей спустя я отправилась в Apollo Inn с набором канцелярских принадлежностей в подарок для Чаю. Теперь, когда я нашла контакт на Патпонге-3, мне захотелось развить его. Сначала я остановилась на углу, где стоял Джек.

– Куда ты идешь? – спросил он как всегда.

– Сегодня я приду сюда.

– Я увижу тебя, когда ты вернешься?

Я кивнула. Фактически, я могла не проходить здесь, идя обратно из Apollo Inn. После полудня я встретила Чаю, он показал мне короткий путь на Патпонг-2, через бар и автостоянку. Однако, идя длинным путем, у меня был шанс лишний раз увидеть Джека.

Внутри Apollo Inn был знак на тайском языке, означающий «Женщинам вход запрещен». Хотя никто не знал, что я могла прочитать его, это заставило меня чувствовать себя нарушителем, единственной женщиной в баре для гомосексуалистов. Несмотря на то, что у меня уже был знакомый в этом баре, я пересилила себя и поднялась по лестнице.

Для клиентов было еще слишком рано, и места были заполнены сотрудниками. Там сидели тайские подростки и ребята постарше. Двадцатилетние юноши, одетые в кимоно поверх бикини, сидели и смотрели видеofilm про кунг-фу. Их было человек семьдесят.

Я попросила самого ближнего позвать Чаю.

– Чай! – закричал он, отвлекая всех от просмотра видео. Как только они все увидели меня, никто не стал дальше смотреть на экран. Они, казалось, ухмылялись при виде немого туриста, который, должно быть, сделал где-то поворот не туда. Я с облегчением увидела, что он пробивается через толпу и направляется ко мне.

Он привел меня в кабинку, где один мальчик пересел к кому-то на колени, чтобы освободить место для нас.

– Сколько тебе лет? – спросила я Чаю, после того, как предложила ему выпить.

Напиток для мальчиков, как я заметила, тут означал пиво, а не колу или апельсиновый сок.

– Двадцать один.

– Откуда ты?

– Удон. На северо-востоке.

Удон был другим местом, подобно родному городу Хой – Убон, или, полностью, – Убон Ратчаатани. Тайцы сокращали длинные названия.

Так как Чай поймал меня с планом Патпонга, я не видела другого выбора, кроме как рассказать ему об исследовании. За исключением школы Empower он стал единственным на Патпонге, кто знал об этом. Это позволило мне задавать больше личных вопросов.

– Сколько денег ты зарабатываешь здесь?

– Я получаю 600 батов в месяц, плюс 20 батов, если я иду с гостем и 10 батов с каждого напитка, который покупается для меня.

– А за секс?

Он улыбнулся.

– Все, что я получаю, то мое.

– Сколько?

– За быстрый секс я получаю 200, 300, или 500 батов от фарангов, и 200 батов с тайцев. Прошлый месяц у меня был удачный. Я получил 1500, затем 2000 и снова 2000 батов от одного и того же гостя. Когда мужчина уехал домой в Англию, он дал мне 4000 батов. Он мне нравится, потому что дает хорошие чаевые. Другой гость каждый раз давал мне по 800 батов и брал меня десять раз под-

ряд. А еще один брал меня восемь раз – три раза по 400, если побыстрому, и пять раз на всю ночь.

При курсе 25 батов за доллар означало, что быстрый секс стоил не меньше восьми долларов.

– И сколько всего гостей у тебя в месяц?

– Около пятнадцати, – ответил он, загибая пальцы для подсчета.

– Ты отсылаешь домой деньги?

– Да, когда у меня есть возможность. Где-то 5000 батов каждые три месяца. Семья не знает, что я гей и танцую гоу-гоу. Я говорю им, что я официант в ресторане.

– Женщины заходят сюда? Я видела тот знак внизу.

– Не очень часто. Менеджер не хочет. Бар специально завышает для женщин-фارانгов цены на выпивку, которая стоит для них на 30 батов дороже. Тайские женщины вообще должны платить на 70 батов больше за любую выпивку.

– Ты ездешь в Удон?

– Дорого. И я должен работать, – ответил он.

Казалось, мы нашли общий язык. Я не думала, что он был против моих вопросов.

– Давай съездим вместе к тебе домой? Только на пару дней. Бару я все оплачу.

Поездка с Хой показала мне всю важность установления контакта с людьми «второго сорта». Чем больше я проникала в суть жизни народов глубинки, тем лучше я могла понять и отобразить всю картину происходящего.

Чай улыбнулся и кивнул, но, казалось, не отнесся к моему вопросу достаточно серьезно. В его работе, вероятно, было множество людей, которые говорили разные вещи, обещая что угодно, поэтому он привык ко всему.

– Я вернусь и скажу тебе, когда смогу уехать из Бангкока. Мы организуем эту поездку, хорошо?

Он кивнул, да, да, и я в ожидании этого ответа была готова за-таить дыхание.

– Точно. Я обещаю. Хорошо?

В его глазах я увидела некую вспышку, но не почувствовала, что он поверил мне.

Когда я вышла из бара, то не пошла новой короткой дорогой к Патпунгу-2. Я снова оказалась на углу в поисках Джека.

– Он ушел в массажный салон с фарангом, – сказал мне другой зазывала.

Так даже лучше, подумала я. Как смешно я бы сейчас выглядела, что снова пришла для встречи с Джеком. Пора действительно что-то предпринять, чтобы остыть.

Поскольку этим вечером я уже побывала в новом месте, то теперь пришла пора навестить Дан в Rose баре. Интересно, сколько минетов придется наблюдать сегодня вечером?

Швейцар помнил меня. С тех самых пор как я побывала там в первый раз, я заходила в Rose неоднократно, и всегда приветствовала людей Патпонга, с которыми встречалась прежде. Он открыл дверь и позвонил в звонок, который сообщал о прибытии гостя, приводя в готовность кого-то наверху. В маленьких барах, особенно там, где был секс по-быстрому, клиентура не задерживалась дольше необходимого. Я поднялась по лестнице и увидела, что в баре было пусто, не считая сотрудников. Когда Дан увидела меня, то сразу подлетела и заключила меня в объятия. Мощь ее объятия чуть не раздавила меня. Что это было, воздействие амфетамина, или она была настолько рада видеть меня?

Я заказала выпивки и последовала за нею к столу.

– Я очень счастлива, что ты приехала, – сказала она. – Как Итан? Все хорошо в Empower?

– Ну, вообще-то, последнее время я там не бывала.

Я забыла, что сказала ей, что работала там, поэтому тут же постаралась сменить тему.

– У тебя есть друг? – спросила я.

– Мой друг – француз. Ему сорок пять. Он посылает мне деньги каждый месяц.

– Он не живет в Таиланде?

– Нет. Он приезжал сюда на отдых в прошлом году.

– Он посылает тебе деньги каждый месяц с прошлого года?

Она кивнула.

– А как же твой тайский друг? – спросила я.

– Таец нехороший человек, – возмущенно сказала она.

– Да...?

– Нехороший! – повторила она снова. – Мало хороших тайцев.

– Я знаю одного хорошего. Он работает на Патпонге-3, – сказала я, подумав, что такое заявление сделает меня на Патпонге «своей». Мне ужасно хотелось поговорить о Джеке.

– Джек, его имя Джек. Ты знаешь его?

– Нет. Мужчины Патпонга очень плохие. Ты будь осторожна с ними.

– Что не так с мужчинами Патпонга?

– У тайца всегда несколько подруг одновременно. Фаранги заводят только одну.

Именно в этот момент двое мужчин-фарангов вышли из дверей возле сцены. Они прошли вниз, не останавливаясь в баре.

– Что там находится?

– Приватная комната.

– У тебя есть банковский счет со сбережениями? – спросила я ее. Она отрицательно покачала головой.

– Я посылаю деньги для мамы.

– Сколько?

– Зависит от того, сколько я заработаю, 3000 или 10 000 батов в месяц.

Вошел фаранг, и прошел прямо в приватные комнаты.

– Ты ходила в школу?

– Я закончила четыре класса, а когда мне исполнилось одиннадцать лет, я убежала. Мой отец слишком часто избивал меня. Я думаю, что он не любил меня, поэтому бил. Я мыла посуду в Удон за 300 батов в месяц. Когда отец заболел, я все равно не вернулась домой, потому что думала, что он не любит меня. После того как он умер, я вернулась домой. Мама сказала мне, что он всегда любил меня.

Настало время уходить. Дан проводила меня до лестницы и подарила мне такое теплое объятие, которое я никогда в жизни не испытывала, как будто я была единственным человеком, который приходил когда-либо навестить ее.

– Спасибо что пришла посмотреть на Дан, – сказала она.

Я пообещала, что вернусь.

Затем я остановилась возле Firecat, чтобы увидеть Чу Чу Чарли и узнать, что он сказал Джеку. Как мне объяснить свои походы в Rose бар Джеку? Он может подумать, что я гомосексуальна, или же что я извращенка. А что подумает Чарли, меня не заботило. О нет, мне что, придется теперь корректировать свои научные изыскания, чтобы понравиться Джеку? Да это курам на смех. Здесь я была в компании проституток, сутенеров и других подозрительных типов, и почему-то вдруг меня обеспокоила моя собственная репутация в глазах сутенера. Какая глупость.

– Чарли здесь больше не работает, – сказал мне новый швейцар.

Мне не хотелось потерять информатора, но еще меньше мне хотелось, чтобы Чарли рассказывал людям о белокурой американке, которую он знал.

Возвращаясь домой, я поискала Джека, но он еще не вернулся. Я ненавидела себя и чувствовала разочарованной.

Прогуливаясь, я вспомнила, какая счастливая была Дан, когда я навестила ее.

Я думала, что антропологи просто наблюдают за своими субъектами, потом оставляют все без изменений и без воздействия на кого-либо. Похоже, это был не мой случай. Мое присутствие действительно влияло на других, затрагивало часть тайского народа Патпонга. Еще хуже было то, что каждый из них определенно затрагивал струны моей души.